

Толпа шла следом, но Лю Цюхун ведь не мёртвая - она прекрасно понимала, что у них на уме. Даже если бы она и собиралась устроить молодой паре разнос, сейчас уж точно не стала бы давать этим любителям чужих скандалов повод для радости.

Она сердито вернулась домой. Увидев её, Ван Чуньхуа удивилась:

— Кто это вас так разозлил?

— А кто же ещё, — от одного вопроса злость Лю Цюхун только вспыхнула сильнее. Она бросила корзину, упёрла руки в бока и закричала в сторону двора: — У ворот столпилась свора бессовестных собак! Только и ждут, чтобы у других в доме куры с собаками передрались, лишь бы им зрелище было. На свои конуры бы посмотрели сначала - и не стыдно людям на глаза попадаться!

Выругавшись, она всё равно не почувствовала облегчения. Оглянулась по двору и увидела таз с мутной водой после мытья овощей. Подхватила его и решительно пошла к воротам. Любители зрелищ стояли совсем рядом. Только что услышали, как их ругают, и ещё переглядывались, решая, уйти или остаться. И вдруг видят: Лю Цюхун несётся на них с тазом. У всех в сердце кольнуло дурное предчувствие. Они невольно отступили. Кто-то попытался заискивающе спросить:

— Невестка Лю, вы это зачем...

Шлёп! Вода с грязью полетела прямо на них.

— Тьфу! Тьфу! Лю Цюхун, чтоб тебя! Смотри, как эта старая мать тебе сейчас руки выдернет!

Получив полный рот грязной воды, старая женщина закатала рукава и кинулась драться. Лю Цюхун тоже не стала церемониться: швырнула таз в сторону, схватила её за волосы и отвесила пару звонких пощёчин.

— «Мать» она! Чья ты мать? Тебя собственный сын не признаёт, а ты тут строишь из себя хозяйку! Когда языком чесать пришла, не подумала сперва разузнать, какой у меня характер?!

— Лю Цюхун! Что ты творишь, зачем сразу в драку?!

С той старухой пришли и несколько её сестёр - посмотреть на скандал. Увидев, что свою бьют, они тут же кинулись помогать и набросились на Лю Цюхун.

Ван Чуньхуа в доме услышала, что шум усилился, и выбежала наружу. Увидев драку, она даже не стала разбираться, что Лю Цюхун и так держится против нескольких. Схватила стоявшую рядом метлу и бросилась вперёд, размахивая ею направо и налево:

— Хотите подраться? Сейчас покажу, как это делается!

Метла в её руках свистела в воздухе, и несколько женщин, которые подбежали помогать, тут же завопили от ударов. Пока она сдерживала остальных, Лю Цюхун вцепилась в ту самую старуху, что больше всех языком чесала и больше всех мечтала увидеть скандал в их доме, и отвесила ей ещё целую серию пощёчин.

Шум с переднего двора донёлся до задней части дома. Сюн Цзиньчжоу вскочил и поспешно сказал Нин Гуйчжу, который был на кухне:

— Гуйчжу, я выйду на минуту. Ты дома присматривай, чтобы воры не залезли. Если кто придёт с разборками - громко зови меня!

— Понял.

Нин Гуйчжу ответил и вышел из кухни, но успел увидеть только спину Сюн Цзиньчжоу, исчезающую за углом переднего дома. Слушая шум во дворе, он невольно нахмурился от беспокойства.

Тем временем впереди...

Стоило Сюн Цзиньчжоу появиться, как толпа мгновенно разлетелась в разные стороны, словно испуганная стая птиц. Лю Цюхун поправила волосы и смачно сплюнула им вслед:

— Чего побежали? Только что же такие смелые были!

Сюн Цзиньчжоу: «...»

Он поднял с земли метлу, взглянул на старшую невестку, убедился, что с Ван Чуньхуа всё в порядке, и подошёл поддержать мать.

— Мама, что сегодня случилось? Почему ты опять с людьми сцепилась?

С тех пор как Сюн Цзиньчжоу стал батоу, людей, которые осмеливались задирать их или пытаться пожить за их счёт, заметно поубавилось. Характер у Лю Цюхун тоже стал мягче - за последние пару лет случаи, когда она с кем-то ссорилась, можно было пересчитать по пальцам.

Но, увидев сына, она снова вспыхнула. С сердитым видом пошла вперёд, а когда они вошли во двор и закрыли ворота, резко обернулась и уставилась на него:

— Вы сегодня опять в уезд ездили мясо покупать? Я же тебе говорила: раз женился, нельзя жить только сегодняшним днём и тратить деньги на еду! А если у вас с Гуйчжу дети появятся? Ни гроша в руках, что тогда, Гуйчжу с ребёнком по улицам милостыню просить пойдёт?!

Сюн Цзиньчжоу: «...»

— Вот уж новости разносятся быстро...

Увидев, что мать уже собирается устроить ему выговор, он поспешно сказал:

— Я как раз собирался сказать об этом вечером. Но раз ты уже знаешь, скажу прямо: приходите сегодня к нам ужинать. Есть хорошая новость.

— И ты называешь это «прямо сказать»? — Лю Цюхун всё ещё кипела и уже собиралась продолжить ругань, но Ван Чуньхуа тихо потянула её за руку:

— Мама...

Она не договорила, но за почти десять лет совместной жизни между ними установилось почти материнско-дочернее понимание. Одного взгляда хватило, чтобы всё стало ясно.

Лицо Лю Цюхун мгновенно просветлело. Она схватила сына за руку, и голос её сразу стал в десять раз мягче:

— Цзиньчжоу... скажи матери честно. Гуйчжу... неужели ждёт ребёнка?

Сюн Цзиньчжоу на секунду растерялся, только потом понял, что она имеет в виду. Его лицо мгновенно покраснело, но он всё же поспешил отрицать:

— Нет! Мы же только поженились, откуда так быстро?

— О... понятно.

Лю Цюхун сразу остыла и снова стала смотреть на сына с недовольством:

— Тогда иди домой. Вечером мы придём.

Сюн Цзиньчжоу:

- ... Ладно.

Что поделаешь, родная мать.

Он вышел со двора и лёгкой походкой вернулся домой. Во дворе Нин Гуйчжу не было. Он окликнул его и услышал ответ из заднего двора. Подойдя туда, увидел, что тот собирает оставшиеся после строительства купальни бамбуковые щепки и обрезки. Сюн Цзиньчжоу тут же присоединился к работе.

— Что там у вас случилось? — спросил Нин Гуйчжу.

— Ничего особенного. Пара человек пришли к матери язык чесать, она их и отругала, — сначала коротко объяснил Сюн Цзиньчжоу, а потом рассказал всё, что знал.

Нин Гуйчжу нахмурился:

— И зачем им всё это?

— Чтобы мы поссорились.

Ответ прозвучал настолько спокойно, что Нин Гуйчжу на мгновение почти принял его за нормальное объяснение. Он беспомощно посмотрел на Сюн Цзиньчжоу:

— Но какая им выгода? Им ведь от нашей ссоры лучше не станет.

Сюн Цзиньчжоу повернул голову. Увидев, что Нин Гуйчжу действительно так думает, он не удержался и прыснул со смеху.

— ...?

Он прочистил горло и, улыбаясь, сказал:

— Тем, кто способен на такое, выгода и не нужна. Если им за это ничего плохого не будет - они уже довольны. А ещё... — он на мгновение замялся, чтобы не напугать Нин Гуйчжу, и мягче добавил: — в деревне редко бывает, чтобы новый фулан сразу распорядился в доме. А у нас ещё и жизнь налаживается... вот люди и хотят посмотреть, как ты оступишься.

Молодые женщины или геры, которые сразу после свадьбы становились главными в доме, конечно, встречались. Но чаще всего это происходило потому, что старшие в семье были ненадёжными или их вовсе не было.

До свадьбы Сюн Цзиньчжоу многие в деревне его недолюбливали и считали, что он обязательно будет бить жену. А теперь, когда он женился и оказалось, что не только не трогает

Нин Гуйчжу, но ещё и часто покупает мясо, в людях закипели досада и зависть.

Отсюда и желание посеять раздор, просто чтобы уравнивать счёт. Как и в прошлый раз.

Нин Гуйчжу: «...»

У него даже немного разболелась голова. С такой компанией в деревне, похоже, подобные неприятности будут случаться ещё не раз.

Заметив его выражение, Сюн Цзиньчжоу поднялся, стряхнул с рук пыль, потянул Нин Гуйчжу за руку и усадил на табурет. Сам сел на брошенный позади кусок бамбука, оказавшись чуть ниже, и серьёзно сказал:

— Гуйчжу, чужие злые мысли остановить невозможно. Просто поверь мне, хорошо?

Он сидел ниже и смотрел на него снизу вверх, и во взгляде было столько искренности, что Нин Гуйчжу некоторое время молча смотрел на него, а потом вдруг улыбнулся. Он протянул палец и ткнул Сюн Цзиньчжоу в лоб, оставив там грязное круглое пятно.

— А если кто-нибудь, пока тебя нет дома, ворвётся и станет меня обижать, а потом скажет, что это я сам захотел?

Услышав это, Сюн Цзиньчжоу нахмурился, взял руку супруга и твёрдо сказал:

— Я не стану верить чужой болтовне и обижать тебя.

— Сказать можно всё что угодно, — фыркнул Нин Гуйчжу.

Но, услышав такой ответ, он всё же почувствовал себя лучше. В конце концов, это древние времена, честь и целомудрие здесь ценятся высоко. Уже то, что Сюн Цзиньчжоу умеет сказать правильные слова и успокоить, можно считать неплохим проявлением характера. А Нин Гуйчжу вовсе не из тех, кто будет из-за одних слов без памяти привязываться к человеку.

Можно считать, что всё действительно так.

Заметив, что Нин Гуйчжу ему не особенно верит, Сюн Цзиньчжоу почувствовал себя немного обиженным. Он ведь и правда не говорил это просто для утешения. По его мнению, если мужчина не способен защитить даже своих близких, какой он тогда мужчина? Правда это или ложь, в такой ситуации прежде всего нужно встать на сторону своего человека. А уж разбираться, что было на самом деле, можно потом, за закрытой дверью.

Нин Гуйчжу, однако, этой его обиды не заметил. Он взял охапку разобранных бамбуковых реек, отнёс их в дровяной сарай, затем оттуда прошёл на кухню. Из кухни раздался его голос:

— Цзиньчжоу, приберись во дворе, а я займусь мясом.

— Хорошо, понял.

Сюн Цзиньчжоу встал, оглядел двор, глубоко вдохнул и принялся за работу.

Мясо дома было, а вот овощей не хватало. Поставив мясо тушиться, Нин Гуйчжу оставил Сюн Цзиньчжоу присматривать за домом и с бамбуковой корзиной отправился в горы. Похоже, после того как люди увидели, как их семья собирала молодые водяные побеги бамбука, многие тоже решили заняться этим. По дороге он заметил немало людей, рубящих водяной бамбук. Только выбирали они его кое-как - некоторые даже валили старые стебли, которым уже год или два.

Нин Гуйчжу некоторое время наблюдал издалека. В голове всё ещё крутились слова Сюн Цзиньчжоу о деревенских сплетниках, и из-за этого он невольно избегал общения с людьми. Поколебавшись, он уже собирался уйти, когда вдруг услышал тонкий детский голосок:

— Мама, смотри, какие ягоды я нашла!

Нин Гуйчжу посмотрел на маленькую девочку в рваной одежде, которая едва прикрывала тело, и словно нашёл для себя повод подойти. Он специально наступил на сухие ветки и листья и направился к ним. Шорох получился громким. Девочка тут же спряталась за мать, лишь наполовину высунув голову, чтобы посмотреть на Нин Гуйчжу.

Женщина постарше настороженно прикрыла ребёнка собой. Разглядев Нин Гуйчжу, она немного смутилась и неловко шагнула ближе к бамбуку, будто стараясь заслонить его. Её худое тело слегка дрожало, видимость решимости, за которой скрывался страх.

Нин Гуйчжу остановился на расстоянии и сказал:

— Этот бамбук слишком старый. Если вы с ребёнком его съедите, можете заболеть.

Женщина замерла. Её губы дрогнули.

— Я знаю.

Люди, которые голодали, ели всё, что попадалось. Что после еды может заболеть, где именно будет болеть, она знала лучше многих. Но еды больше не было.

Говорили, что супруг Сюн-батоу умеет читать и писать. Всё, что он учил готовить семью Сюн, по крайней мере не было ядовитым, от этого люди не умирали сразу. Этого уже было достаточно.

Она сказала это так тихо, что Нин Гуйчжу не расслышал и переспросил:

— Что?

— Ничего... — женщина запнулась. Увидев в выражении Нин Гуйчжу скрытое беспокойство, она сама не поняла почему, но вдруг добавила: — Просто... еды больше нет.

Нин Гуйчжу удивлённо посмотрел на неё. Сейчас конец весны, в горах и полях полно дикорастущей зелени. Как же может не быть еды?□□

<http://bllate.org/book/14958/1574855>